

***

Всё холоднее утра-снегири.
Все тяжелее ночи-кюросао.
И мертвые приходят говорить
Пронзительными недоголосами.

Один похож на друга. Десять лет
Тому назад он выбежал за хлебом
И не вернулся. Незаметный след
От улицы Толстого и до неба

Впечатался в хрусталики мои.
И не забыть: очки, пальто из драпа,
Ботинки неначищенные и
Тяжелый шарф... Другой похож на папу.

Он умирал, закрытый от людей
В холодном боксе мининской больницы,
Где сам июль хотел бы поскорей
От смертников своих освободиться.

Я помню всё: стерильные бинты,
На кладбище подсыхая дорога.
У остальных — размытые черты.
Я их не узнаю. И слава богу.

***

Еще одна шальная пятница
Скользнет иглой по винилу.
Земля не вертится, а пятится.
И ничего не изменилось:
Всё те же солнечные зайчики,
И тех же облаков обрезки.
И только там, где сбили мальчика,
Теперь лежачий полицейский.

***

По осени синицу с теплых рук
Кормить пшеном, читая между делом:
«Шестое декабря. Ирина Круг
С большим концертом в доме офицеров».

Люблю тебя, окраина, за дел
Замедленное тихое скольжение,
Как лодок по октябрьской воде
На станции у Саши или Жени —

Имен не помню. Только первый снег
На козырьках ссутулившихся зданий,
На спинах попрошак и калек,
Как порошок от будущих страданий,

Как ветра обещанье в проводах,
Что холодов не стоит опасаться...

В Москве на подоконник никогда
Синицы не садятся.

***

Я помню соседку, которая убежала от пьяного мужа
босиком по грязному снегу,
в ночной рубашке, надетой на полное тело;
Отца, убегающего к любовнице
в открытое окно первого этажа ведомственной квартиры
в тапочках,
потому что мама прятала его ботинки за экраном ванной;
Брата, прятавшегося в холодильнике
от наряда белорусской милиции
изо дня в день приходившей для ареста
Прошло много лет.
Я похоронила отца.
Я дождалась брата.
Я купила кроссовки Reebok и термобелье.
Но я так и не научилась бегать.

***

Когда я шла, Арбату вопреки, —
Влюблённых войск
уоставшая пехота,
То как с руки взлетали мотыльки,
Внебрачные сыны аэрофлота,
На сердце, заселённое никем,
На острова морщинистой извёстки.
Я по бульвару шла, как по реке,
Боясь, что утону на перекрёстке.
Ну где же ты, вся доблестная рать?
Где конница и лучников опора?
Мне не с руки одной здесь погибать
Под желтую улыбку светофора.
А где-то небо — моря поперёк.
И в мутное стекло я снова вижу,
Как девочка стремится за буёк.
Как мальчик на причале неподвижен.

***

В переулках зима, возвратившись с окраины страха,
Сыплет мелкую дрожь через неба бескровный порез.
Это вовсе не снег. Это новая музыка Баха.
Это Моцарт в миноре опять заиграл до-диез.

И не слышно уже, как выходит сосед из запоя.
Как машины гудят, а мальвины сбивают гранит.
Ни волхвов. Ни ментов. Только тьма на дощатом заборе.
География комнат. Вселенная. Острый бронхит.

***

Оторванная дверца без петель,
Бужу добро, не поминаю лихо.
Дай бог дожить до станции апрель
И родине уткнуться в облепиху,
Где мелкий дождь — не пойман, и не вор,
Где в поле спит машина грузовая.
И яблони молчат, как на подбор,
Мелодии моей не узнавая.

***

О город мой! Храни тебя, храни
От глупости и дураков, коль скоро
Я полюбила мутные огни
И музыку ко мне плывущих «скорых».

Унылый двор, раздетые кусты,
Кошачий декаданс и разговоры
Старушек на пределе темноты,
И мусорок готичные узоры.

Здесь пахнет флердоранжем и мочой,
Беспечностью (увы, не парижанок!)
И желтый шар дамокловым мечом
Висит, не признавая наших жалоб...

Ах, детства золотая голова!
Рубите с плеч, читайте панихиду.
Ты знал, мой друг, что кроличья нора
Со временем теряется из вида?

Но я живу, вышагивая за
Сентябрьскую жару, апрельский холод.
И улыбается во все свои глаза
И надоевший, и любимый город.

***

Некстати жить. Но вовремя оглохнуть
От музыки и новостей с «лапшой»,
От мамочек, детей, соседских охов,
И от любви ненужной и большой.
Когда вокруг война — какие вишни?
Над чьей рекой какое молоко?
Ты можешь говорить, но я не слышу
Ни птичьих слез, ни колокол по ком.